

Эволюция устойчивости

Питер Роджерс

Университет Маккуори, Австралия, <https://www.mq.edu.au/>

Резюме: Концепция устойчивости уходит корнями во многие дисциплины, что делает разработку единой теории очень привлекательной, но при этом очень сложной. Тем не менее, это не остановило ученых и политиков от попыток провозгласить устойчивость своей флагманской концепцией и построить вокруг нее канон 21 века. Эта тенденция к снижению или обобщению значения устойчивости породила множество таксономий, каждая из которых стремится предложить последнее слово в дебатах об определениях. Я утверждаю, что такое желание создать единую теорию устойчивости приводит к неправильному применению этой концепции, игнорируя динамику ее появления и полисемичную природу ее использования в теории, политике и практике. Эта аморфность делает концепцию устойчивости одновременно и очень привлекательной логикой для решения проблемы неопределенности, и опасным путем встраивания жестких алгоритмических систем принудительного прогнозирования в управление повседневной жизнью. Чтобы понять возникновение концепции устойчивости, нужно оценить, как положительный, так и отрицательный потенциал этой гибкой и адаптивной концепции. В заключение я высказываю предположение, что устойчивость приобрела такую популярность в последние годы в немалой степени потому, что она представляет собой сдвиг в онтополитике нашего времени, но мы должны быть осторожны с тем, какой тип устойчивости будет приведен в действие.

Ключевые слова: устойчивость, ассемблирование, постструктурализм, позитивная критика, проблематизация.

Введение

Концепция устойчивости уходит корнями во многие дисциплины, что делает разработку единой теории очень привлекательной, но при этом очень

сложной. Этот термин снова и снова появляется во многих различных областях исследований и в портфолио разнообразных политик, каждая со своими тупиками, границами и мостами, которые нужно строить и обсуждать.¹ Если мы попытаемся понять эту концепцию с точки зрения современных проблем, мы должны сначала сопоставить нынешние формулировки этой проблемы с предшествующими, чтобы лучше встряхнуть наше представление в настоящем. При этом концепция устойчивости должна быть проблематизирована с учетом нюансов, подчеркивая проблемы в том, как мы подходили к ней ранее и подходим к ней сейчас. Я утверждаю, что подход к устойчивости как к «институту» управления, позволяет исследователям лучше понять, как различные формы устойчивости меняют стимулы и ограничения человеческого поведения. Часто пессимистическая критика устойчивости как биополитики и проявления неолиберализма не замедляет распространение концепции устойчивости, а только увеличивает дистанцию между критической теорией и политикой. Продуктивная, позитивная критика с использованием элементов коллективного мышления и языка новой институциональной экономики позволяет нам лучше проверить как принятие и реализация устойчивости усиливают или требуют переосмысления договорных отношений, лежащих в основе социального порядка. Я исследую критику концепции устойчивости, выделяю несколько ограничений и указываю где работы по устойчивости открывают новые возможности для более конструктивного взаимодействия. Если имеет место более широкий онтологический сдвиг в основах либеральной политики, вместо того, чтобы пытаться определить одну точку критики в рамках новой «модели» социального порядка, к устойчивости можно лучше подойти как к периоду «междоцарствия», для объяснения которого традиционные формы управления и традиционные формы критики плохо приспособлены. Я утверждаю, что, преодолев разрыв между традициями постструктуралистской критики и новой институциональной экономической теорией, мы можем найти общий язык, чтобы объяснить, как различные формулировки устойчивости формируют условия возможности существования социального порядка, но многие из наших традиционных предположений о стабильности либеральной «современной» онтологии могут потребовать пересмотра. Помимо «простой» проблематизации устойчивости, скорее всего, потребуется более детальная и позитивная критика, чтобы социальные науки оставались актуальными при формировании институциональных форм устойчивости по мере их появления.²

---

¹ Simin Davoudi, "Resilience: A Bridging Concept or a Dead End?" *Planning Theory & Practice* 13, no. 2 (2012): 299-307.

² Дэвид Гарланд предлагает особенно полезный взгляд на эту структуру генеалогии в стиле Фуко на основе истории настоящего. Это исследование предлагает подход к новому использованию этих инструментов за счет более творческого взаимодействия, выходящего за пределы постструктуралистской доктрины так, как она понимается в настоящее время. Смотри David Garland, "What Is a "History

Критическая концепция и концепция критики

В настоящее время широко признано, что концепция устойчивости имеет богатое этимологическое прошлое, появившись в английском языке через книгу Фрэнсиса Бэкона «Сильва Сильварум».³ Бэкон исследовал асимметрию между человеческой восприимчивостью и сложностью природных сил, упоминая устойчивость лишь вскользь, как действие отражения через реперкуссивную «устойчивость эхо».⁴ Позже это понятие использовалось в инженерном деле для описания выносливости строительных материалов, охватывая эластичность и сопротивление деревянных и стальных балок.^{5,6} Оно использовалось для нарративного выражения характеристики человеческой настойчивости, а в психологии развития было эмпирически усилено в качестве интегративной основы для исследования адаптивных возможностей человеческого разума.⁷ Это интернализирует устойчивость, но придает ей продуктивную имманентность, касаясь неожиданно положительной адаптации или выздоровления после воздействия невзгод.⁸ Возможно, наиболее влиятельное прочтение концепции устойчивости основано на теории сложных социальных и экологических систем (СЭС).⁹ «Вернуться обратно» стало аналогом времени восстановления после какого-то нарушения,¹⁰ но позже превратилось в понятие устойчивости в виде сложной системной панархии.¹¹

Переадресуя элементы созидательного разрушения в экономической теории, панархия создает понимание социального и экологического как

---

of the Present”? On Foucault’s Genealogies and Their Critical Preconditions,” *Punishment & Society* 16, no. 4 (2014): 365-384, <https://doi.org/10.1177/1462474514541711>.

³ Francis Bacon, *Sylva Sylvarum, or, A Natural History in Ten Centuries* (London: William Lee, 1657).

⁴ Bacon, *Sylva Sylvarum*, 330.

⁵ О работах Томаса Янга начала 19 века см. Alasdair N. Beal, “Thomas Young and the Theory of Structures 1807-2007,” *The Structural Engineer* 85, no. 23 (2007): 43-47.

⁶ Thomas Tredgold, “XXXIV. On the Modulus of Elasticity of Air, and the Velocity of Sound,” *The Philosophical Magazine* 52, no. 245 (2018): 214-216, <https://doi.org/10.1080/14786441808652035>.

⁷ Ann S. Masten, “Resilience in Development: Implications of the Study of Successful Adaptation for Developmental Psychopathology,” in *The Emergence of a Discipline: Rochester Symposium on Developmental Psychopathology*, ed. Dante Cicchetti, vol. 1 (Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1989), 261–294.

⁸ Ann S. Masten, “Resilience in Developing Systems: Progress and Promise as the Fourth Wave Rises,” *Development and Psychopathology* 19, no. 3 (2007): 921-930.

⁹ C.S. Holling, “Resilience and Stability of Ecological Systems,” *Annual Review of Ecology and Systematics* 4, no. 1 (1973): 1-23, <https://doi.org/10.1146/annurev.es.04.1101.73.000245>.

¹⁰ Lance Gunderson and Carl Folke, “Resilience—Now More Than Ever,” *Ecology and Society* 10, no. 2 (2005): 22, <http://www.ecologyandsociety.org/vol10/iss2/art22/>.

¹¹ Lance H. Gunderson and C.S. Holling, eds., *Panarchy: Understanding Transformations in Human and Natural Systems* (Washington, DC: Island Press, 2002).

взаимозависимых систем с *адаптивными циклами* роста, коллапса и реорганизации с потенциалом для создания нового «метастабильного равновесия», которое затем подчиняется собственным адаптивным циклам. Возможно, Холлинг и Гандерсон прозорливо выделили человеческую и экологическую взаимозависимость прямо и эмпирически, что явилось предвестником нынешних представлений о сложности в антропоцене. Взаимодействуя со сложностью времени, пространства и масштаба в разнообразных и не взаимодополняющихся системах, социальная экология внесла уникальный вклад в зарождающийся дискурс устойчивости. Это дало возможность с пользой интерпретировать устойчивость как способность сложных взаимозависимых систем абсорбировать сбой и «возвращаться» к стабильности, питая в течение десятилетия реформы в управлении бедствиями как циклы *ожидания, оценки, смягчения последствий* (часто включающих элементы *готовности и профилактики*), *реагирования* и *восстановления*. Это также открыло дверь для включения экономической и экологической философии через положительные циклы *преобразования* и *вспоминания*, давая возможность созидательному разрушению потенциально *преобразовать* систему, то есть создать новую нормальность после переломного момента. Такое представление сложных систем позволяет интерпретировать «метастабильное равновесие» как непрерывный процесс изменений, в противовес предположению, что цивилизация может удерживаться в оптимальном «устойчивом состоянии» – в соответствии с требованиями «точно в срок» модели массового производства. Рассматриваемые через призму устойчивости, такие системы становятся хрупкими, их легко разрушить и, следовательно, являются более уязвимыми для негативных воздействий в случае нарушения функционирования. Поверхностное натяжение начинает проявляться здесь между положительным потенциалом трансформационных изменений и необходимостью помнить и поддерживать текущие формы и функции системы. Когда мы переносим эту концептуальную основу из системной экологии в сферу политики и управления, эта напряженность обостряется, поскольку практики вынуждены применять абстрактную логику в рамках традиционных моделей формирования и реализации политики их организаций. Можно утверждать, что зависимость пути развития организаций в позднем голоцене ¹² в целом связана с иллюзорным, ориентированным на рынок «автоматическим балансированием», управляемыми дискурсами риска и роста, а не распределением демократических общественных благ, дискурсами права, свободы и доступа к привилегиям. Это все чаще предъявляет к практикующим специалистам непомерные рабочие требования по «решению проблемы» экономически эффективным и не допускающим риска способом, что часто вызвано увлечением менеджментом

---

¹² Драйзек рассуждает об этой зависимости путей, используя более широкое традиционное понимание институтов. John S. Dryzek, "Institutions for the Anthropocene: Governance in a Changing Earth System," *British Journal of Political Science* 46, no. 4 (2016): 937-956.

«третьего пути» с количественно оцененной оптимизацией системы для выполнения квот производительности, даже перед лицом чрезмерно упрощенной «случайной» (неизбежной естественной случайности) или «эпистемической» неопределенности (отсутствие или ненадежность данных).¹³ В таких условиях устойчивость оказывается не поддающейся определению, к ней невозможно применить целостный подход, и она кажется вплетенной в ткань существующих проблем, возможно, даже усугубляя их.¹⁴

Эти множественные артикуляции приводят к представлению концепции устойчивости как «многозначной», возникающей в данное время и оспариваемой, которую трудно свести к единственному каноническому определению.¹⁵ Поскольку границы концепции проницаемы, она стала доступной для широкого набора, иногда противоречивых, приложений в рамках управления. Как «двигающаяся концепция» она ризоматически¹⁶ появлялась в различных политических портфолио,¹⁷ и политика устойчивости как элемент управления была предметом многочисленных дискуссий. Больше внимания уделяется «оптимизации неотъемлемой способности *оцениваемых систем* противостоять, абсорбировать и оправляться от кризиса» через призму безопасности,¹⁸ чем корреляциям между познанием, убеждениями и *ценностями* на уровне ее реализации среди отдельных граждан-субъектов. Стратегический взгляд дает нам представление об устойчивости, но

¹³ Gianluca Filippia, Massimiliano Vasile, Daniel Krpelik, Peter Zeno Korondi, Mariapia Marchi, and Carlo Poloni, "Space Systems Resilience Optimisation under Epistemic Uncertainty," *Acta Astronautica* 165 (2019): 195-210.

¹⁴ David Chandler, "The End of Resilience? Rethinking Adaptation in the Anthropocene," in *Resilience in the Anthropocene: Governance and Politics at the End of the World*, ed. David Chandler, Kevin Grove, and Stephanie Wakefield (London: Routledge, 2020), 50-67.

¹⁵ Magali Reghezza-Zitt, Samuel Rufat, Géraldine Djament-Tran, Antoine Le Blanc, and Serge Lhomme, "What Resilience Is Not: Uses and Abuses," *Cybergeog: European Journal of Geography* (2012), 621, <https://doi.org/10.4000/cybergeog.25554>.

¹⁶ Это основано на логике, аналогичной логике «ассемблирования наблюдений», рассмотренной Шоном Хиером, где расширение устойчивости, подобно современному наблюдению, позволяет существенно трансформировать «цели и намерения» практик устойчивости и функционирование вложенных иерархий. Подобным образом усиление ансамблей устойчивости способствует процессам устойчивости, которые производят социальный контроль, а не подразумеваемую демократизацию логики упорядочивания, лежащей в основе его риторики. Sean P. Hier, "Probing the Surveillant Assemblage: On the Dialectics of Surveillance Practices as Processes of Social Control," *Surveillance & Society* 1, no. 3 (2003): 399-411, <https://doi.org/10.24908/ss.v1i3.3347>.

¹⁷ Peter Rogers, Jim J. Bohland, and Jennifer Lawrence, "Resilience and Values: Global Perspectives on the Values and Worldviews Underpinning the Resilience Concept," *Political Geography* 83 (2020), 102280, <https://doi.org/10.1016/j.polgeo.2020.102280>.

¹⁸ Chris Zebrowski, *The Value of Resilience: Securing Life in the Twenty-first Century* (London: Routledge, 2015), p. 147, подчеркнуто автором статьи.

этот подход имеет тенденцию исказить любое прочтение морали устойчивости в соответствии с более широкой продолжающейся критикой неолиберализма как системы управления.

Там, где этот подход обращается к предмету, «устойчивый субъект» формулируется в рамках «необходимости и полезности подверженности человека опасности» как центрального фактора повышения устойчивости. Но даже здесь этот узкий взгляд на ценности подразумевает, что устойчивый рост является результатом *только* воздействия опасных травм, и что правительство не может обеспечить безопасность, связанную с либеральной онтологией отношений между государством и гражданином. Это не учитывает возможность столкновений, которые приводят к устойчивому росту за счет проявления просоциальных способностей, например, отсутствия паники, щедрости, солидарности и альтруизма. Такое разыгрывание просоциальных эмоций важно для создания чувства цели в жизни и способствует принятию просоциального личного морального компаса.¹⁹ Это открывает конфигурацию «я», которая допускает более широкое взаимодействие – между системой и «я», где «напористое, отстраненное «я», которое порождает дистанцию от своего фона (традиция, воплощение) и переднего плана (внешняя природа, другие субъекты) во имя ускоренного овладения ими»²⁰ принуждается или поощряется стать более устойчивым в мыслях и делах.

На *когнитивном* уровне устойчивость информирует наши ожидания друг от друга и организаций (частью которых мы являемся или с которыми мы взаимодействуем) на *онто-политическом* уровне в виде установленных убеждений. И все же, в этом сложно ориентироваться, поскольку это размывает традиционные различия, такие как субъект-объект и праксис-позис, которые являются центральными в критике рационального, современного проекта. Такая критика раскрывает стойкость как *диспозитив* власти, рыхлую «систему корреляции» и *ад-хок* совокупность, не сводящуюся к простому выражению суверенной власти.²¹ Критика *диспозитива* устойчивости утверждает, что, с одной стороны, его децентрализованная концептуальная природа лишает критически настроенных «левых» модернистского политического проекта прочной основы для его дестабилизации, а с другой сто-

---

¹⁹ Brian M. Iacoviello and Dennis S. Charney, “Psychosocial Facets of Resilience: Implications for Preventing Posttrauma Psychopathology, Treating Trauma Survivors, and Enhancing Community Resilience,” *European Journal of Psychotraumatology* 5, no. 1 (2014), 23970, <https://doi.org/10.3402%2Ffejpt.v5.23970>.

²⁰ Stephen K. White, “Weak Ontology and Liberal Political Reflection,” *Political Theory* 25, no. 4 (1997): 502-523, цитата на стр. 503.

²¹ Bruce P. Braun, “A New Urban Dispositif? Governing Life in an Age of Climate Change,” *Environment and Planning D: Society and Space* 32, no. 1 (2014): 49-64, <https://doi.org/10.1068/d4313>.

роны, что он кажется поддающимся кооптации из-за все более неолиберализующихся зависимостей путей современного управления.²² Тем не менее, без учета когнитивного потенциала для положительных результатов устойчивости, концептуальная основа, лежащая в основе понятия, кажется, постоянно меняется, как и нагруженные ценностями значения и приложения, которые возникают при каждом конкретном случае. Это влияет на эпистемологию принятия, посредством которой формируется и управляется устойчивый гражданин-субъект, а дополнительные или оспариваемые структуры стимулов узакониваются и/или вводятся в действие во имя «устойчивости как способа управления». В качестве «потенциальных мысленных реализаций устойчивости – воспринимаемых, как ‘волшебная палочка’ при формировании политики для решения таких разнообразных проблем, как отсталость, конфликты и экологические кризисы»,²³ концепция устойчивости продолжала расширяться и получать более широкую поддержку в политике. Таким образом, я утверждаю, что эти воображаемые образы, возникающие с помощью «устойчивости как способа управления» и благодаря ей, могут предвещать подъем зарождающегося института.

Институционализация устойчивости в управлении

Иногда кажется, что устойчивость к внешним воздействиям легко использовать как «квазиуниверсальный ответ на проблемы управления».²⁴ Любая такая «квазиуниверсальная» концепция будет иметь серьезные последствия не только для процесса управления, но также и для того, *чем* управляют, *кем* управляют и *как* это управление осуществляется. При таком подходе устойчивость может оказывать значительное влияние на политические, экономические и социальные структуры стимулов, конфигурированные в устойчивые формы правления. Чтобы более четко представить институционализацию устойчивости, следует рассмотреть договорные отношения, соглашаясь с характером изменений, которые они порождают. Устойчивость лежит в основе стратегии взаимодействия, действующей в рамках зависимости путей конфигурации управления, основанного на конкуренции. То, как возникают и стимулируются практики сотрудничества, должно более четко указывать на природу любого сдвига в основополагающих договорных отношениях между ключевыми игроками, такими как гражданин-субъект, «рынок» и «государство».²⁵

²² Chandler, “The End of Resilience?”

²³ Chandler, “The End of Resilience?” p. 81.

²⁴ Claudia Aradau, “The Promise of Security: Resilience, Surprise and Epistemic Politics,” *Resilience* 2, no. 2 (2014): 73-87, <https://doi.org/10.1080/21693293.2014.914765>, цитата на с. 73.

²⁵ Можно опереться на Стиглицу, чтобы поразмышлять о переплетении государства и рынка, например, о напряженности при отделении производства от финансов посредством регулирования и о важности государственного регулирования в отношении финансовых систем. Joseph E. Stiglitz, “Markets, States and Institutions,”

Ключевым моментом является раскрытие того, изменяет ли и как «устойчивость в качестве управления» формулировку договорных отношений между гражданином–государством–рынком. Другим – понять сдвиг ценностей, подразумеваемый «онтологическим дрейфом» институциональных механизмов, лежащих в основе социального порядка. Еще одна задача – согласовать изменение убеждений и ценностей с операционализацией законных форм управления с помощью устойчивых методов работы. Предварительная работа, проделанная в оставшейся части этой статьи, открывает другой подход для будущих исследований, но сначала мы должны более тщательно переосмыслить нынешнее использование концепции устойчивости. Это поможет лучше проиллюстрировать логику упорядочения договорных отношений, подразумеваемую появлением устойчивости, а также направит внимание к необходимости понять меняющиеся институты, возникающие в рамках дрейфующей онто-политики, к которой мы вернемся ниже. Можно предположить, что широкое распространение концепции устойчивости в управлении воплощает этот образ мышления и работает на повышенных оборотах для того, чтобы устойчивость стала «институционализированной» в качестве основной задачи и логики управления, изменяя то, что Дуглас Норт назвал «правилами игры», но необходимы дополнительные доказательства, чтобы понять, какую траекторию это подразумевает для социального порядка.²⁶ Чтобы проверить это предположение, можно использовать устойчивые стратегии управления, которые были применены для смягчения кризисов в последние годы.

Политики все чаще подчеркивают устойчивость как процесс управления и как набор практических и прагматичных проектных инициатив, основанных на сочетании мер безопасности, аварийного и антикризисного

Roosevelt Institute, June 22, 2017, <https://rooseveltinstitute.org/publications/markets-states-and-institutions/>.

²⁶ В этом смысле Норт, Уоллис и Вайнгаст рассматривают институты не как «группы» или «организации», которые функционируют как коалиции действующих лиц с общими интересами; вместо этого они определяют институты как процессуальные по своей природе, т.е. как «модели взаимодействия, которые управляют и ограничивают отношения людей. Институты включают формальные правила, писанные законы, формальные социальные соглашения, неформальные нормы поведения и общие убеждения о мире, а также средства принуждения». Douglass C. North, John Joseph Wallis, and Barry R. Weingast, *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History* (Cambridge: Cambridge University Press, 2009), 15.

менеджмента, но охватывающих множество отделов и портфелей.^{27,28,29} В мире после 11 сентября необходимость «стать более устойчивым» с готовностью воспринималась как всеобщее общественное благо с точки зрения политики, но критиковалась за то, что предлагала не вдохновляющее политическое видение, не подходящее для реализации изменений, которые оно призвано обеспечить.³⁰ Серьезные кризисы, имеющие глобальное влияние, еще больше разнообразили этот дискурс. Результатом стало появление более инструменталистского прагматизма в государственной политике, сосредоточенного на практических способностях и потребностях практиков в критических областях работы: таких как управление рисками, управление цепочкой поставок, устойчивое городское развитие, защита критической инфраструктуры и снижение риска бедствий. Международные организации, правительства и фирмы все чаще имеют стратегии устойчивости или стратегические цели для повышения устойчивости, и в каждом отдельном случае устойчивость интерпретируется с тонкими различиями. В сочетании с риторическими призывами к обеспечению устойчивости или приветствием стойкости народов или государств после кризисных событий идея устойчивости сегодня прочно укоренилась в общепринятом, концептуальном и политическом жаргоне нашего времени. Устойчивость не проявляется как явный тотализирующий *диспозитив* управления, а как вложенные совокупности человеческих и не-человеческих взаимодействий, встречающихся в различных конфигурациях в точках стратегической ориентации. Эти встречи служат пунктами, из которых можно мобилизовать навыки и ресурсы для целевого действия, руководствуясь принципами передовой практики и инструментами в каждом эксперименте, но не универсальной моделью. Таким образом, она изменяет договорные отношения и ожидания между людьми и организациями. Поэтому, анализируя в сочетании правила и практики, мы должны более глубоко рассматривать устойчивость как *институт* управления.

В цикле адаптивного кризисного менеджмента это проявилось как руководящий принцип для развития способностей конкретных организаций действовать в отношении частичных рисков, опасностей или угроз. Это также создает воспринимаемую способность социального порядка поддер-

²⁷ John Auerbach and Benjamin F. Miller, “Deaths of Despair and Building a National Resilience Strategy,” *Journal of Public Health Management and Practice* 24, no. 4 (2018): 297-300, <https://doi.org/10.1097/PHH.0000000000000835>.

²⁸ Christian Fjäder, “The Nation-State, National Security and Resilience in the Age of Globalisation,” *Resilience* 2, no. 2 (2014): 114-129, <https://doi.org/10.1080/21693293.2014.914771>.

²⁹ David Omand, “Developing National Resilience,” *The RUSI Journal* 150, no. 4 (2005): 14-18, <https://doi.org/10.1080/03071840508522884>.

³⁰ Kate Driscoll Derickson, “Resilience is not Enough,” *City* 20, no. 1 (2016): 161-166, <https://doi.org/10.1080/13604813.2015.1125713>.

живать устойчивое и здоровое функционирование перед лицом экзистенциальной неопределенности или явных кризисов. Однако устойчивое управление не изолировано в черном ящике внутри «политики». Одновременный всплеск обсуждения экономических и организационных форм устойчивости произошел в частном секторе, что неявно, но существенно повлияло на более широкое принятие стандартов качества для обеспечения устойчивости на индивидуальном и организационном уровне.³¹ Это также внесло свой вклад в рост участия благотворительных организаций в усилиях по повышению устойчивости, где существующие организационные практики могут препятствовать внедрению новых способов работы «более устойчивым образом», примером чего является кампания Рокфеллера «100 устойчивых городов». Органы местного самоуправления также ищут новые стратегии повышения устойчивости в борьбе с коррупцией³² на местном уровне с помощью форм взаимодействия с сообществами³³ и преодоления жесткой экономии³⁴ или управления конкурирующими интересами в островных сообществах.³⁵

Во всех этих и многих других случаях гибкость в оперативных интерпретациях «устойчивости как управления» дает представление о стратегическом принятии ограничений или стимулов, влияющих на условия возможности человеческого поведения как подразумеваемых, так и действующих посредством взаимодействия дополнительных правил и практики. Эти ограничения, или стимулы, реализуются формально и неформально, например, в когнитивном поведении людей в их повседневной жизни, т.е. в неформальных социально сконструированных «культурных» ценностях,³⁶ и в виде разнообразных формальных договорных отношений между людьми,

---

³¹ Yossi Sheffi, *The Resilient Enterprise: Overcoming Vulnerability for Competitive Advantage* (Cambridge, MA: MIT Press, 2005); Yossi Sheffi, *The Power of Resilience: How the Best Companies Manage the Unexpected* (Cambridge, MA: MIT Press, 2015).

³² Rabiul Islam, Greg Walkerden, and Marco Amati, "Households' Experience of Local Government during Recovery from Cyclones in Coastal Bangladesh: Resilience, Equity, and Corruption," *Natural Hazards* 85, no. 1 (2017): 361-378.

³³ Deborah Platts-Fowler and David Robinson, "Community Resilience: A Policy Tool for Local Government?" *Local Government Studies* 42, no. 5 (2016): 762-784, <https://doi.org/10.1080/03003930.2016.1186653>.

³⁴ Vivien Lowndes and Kerry McCaughie, "Weathering the Perfect Storm? Austerity and Institutional Resilience in Local Government," *Policy & Politics* 41, no. 4 (2013), 533-549, <https://doi.org/10.1332/030557312X655747>.

³⁵ David Chandler and Jonathan Pugh, "Islands of Relationality and Resilience: The Shifting Stakes of the Anthropocene," *Area* 52, no. 1 (2020): 65-72, <https://doi.org/10.1111/area.12459>.

³⁶ Avner Greif and Joel Mokyr, "Cognitive Rules, Institutions, and Economic Growth: Douglass North and Beyond," *Journal of Institutional Economics* 13, no. 1 (2017): 25-52, <https://doi.org/10.1017/S1744137416000370>.

рынками и организациями,³⁷ проявляющимися в управлении. «Быть устойчивым» представляет собой параллельный поток работы, синхронизированный с оперативными инструментальными протоколами и практиками, но эта возникающая сцена не является управлением внешним риском, опасностью или угрозой; вместо этого подчеркивается поведение и имманентная уязвимость устойчивого субъекта как легитимная арена управления. Эта аморфная эволюция оспариваемой концепции стимулировала энергичную критику устойчивости, которую также необходимо рассмотреть.

Критика устойчивости

Центральное место в возникновении критики концепции устойчивости сыграло стремление должным образом определить проблематику устойчивости. Группа критических исследований построена на постструктуралистских прочтениях как биополитических,³⁸ так и неолиберальных³⁹ нарративов. Действительно, критика, исходящая из этих областей, была настолько громкой, что концепция устойчивости была осуждена как политически изменная и интеллектуально истощенная, создавая «перманентные формы порабощения, которыми она обременяет людей, ее лживые заявления об освобождении, заставляющие людей принимать свое рабство, как если бы это было их освобождением, и отсутствием воображения, которым обладают сторонники устойчивости в плане преобразования мира к лучшему».⁴⁰ Тем не менее, эта критика не замедлила развитие мышления и практики устойчивости; вместо этого они ускорились. Критики боролись с этой проблемой; Уокер и Купер предполагают, что эпистема устойчивости позволяет реабсорбировать критику в «программу управления ресурсами, которая превращает экологический кризис в созидательное разрушение истинно хайковского финансового порядка».⁴¹ Аргументы в пользу контрсистемной критики приводятся здесь не на онтологических основаниях, поскольку логика критики, лежащая в основе этого подхода, требует, чтобы неолиберальная система и сопутствующее ей допущение о бесспорных либеральных институтах сохраняли свою форму. Когда делаются такие предположения, они

³⁷ Julio Faundez, "Douglass North's Theory of Institutions: Lessons for Law and Development," *Hague Journal on the Rule of Law* 8, no. 2 (2016): 373-419.

³⁸ Chris Zebrowski, "Governing the Network Society: A Biopolitical Critique of Resilience," *Political Perspectives* 3, no. 1 (2009), <http://www.politicalperspectives.org.uk/wp-content/uploads/2010/08/Vol3-1-2009-4.pdf>.

³⁹ Jonathan Joseph, "Resilience as Embedded Neoliberalism: A Governmentality Approach," *Resilience* 1, no. 1 (2013): 38-52, <https://doi.org/10.1080/21693293.2013.765741>.

⁴⁰ Brad Evans and Julian Reid, "Exhausted by Resilience: Response to the Commentaries," *Resilience* 3, no. 2 (2015): 154-159, quote on p. 154.

⁴¹ Jeremy Walker and Melinda Cooper, "Genealogies of Resilience: From Systems Ecology to the Political Economy of Crisis Adaptation," *Security Dialogue* 42, no. 2 (2011): 143-160, <https://doi.org/10.1177%2F0967010611399616>, quote on p. 157.

имеют тенденцию к сужению фокуса в стремлении создать целостность для целей критики, т.е. *устойчивость есть*. Я утверждаю, что это противоречит условным обязательствам многозначной и относительной совокупности – в процессе определения устойчивости тем, что она *есть*, границы и пронизывающие колебания смысла, через которые проявляется устойчивость, размываются – чтобы их было лучше выявить с помощью вопроса как она *осуществляется*. Неолиберальная критика стремится к разграничению, чтобы утвердить *пересечение* или *взаимопроникновение* в критические моменты, когда они должны описывать и анализировать взаимодействие в относительном и ситуативном контексте конкретного столкновения посредством дополняющихся правил и практик ее действия. Многие из таких критических анализов устойчивости через призму неолиберализма отражают окружающую форму меланхолической привязанности к радикальной политике социализма до 1989 года, которая также зависит от либеральной онтологии в ее *основном смысле*.⁴² Такая критика, по-видимому, активно капитулирует перед «концом истории», усиливая неизбежный цикл реабсорбции, когда любая возможность прогрессивной или демократической альтернативы выжить в рамках капитализма невозможна. Любые прогрессивные изменения должны предсказуемо согласовываться с аморфным и неограниченным процессом неолиберализации.

Я считаю, что это слишком узкое толкование для онтополитики устойчивости, будущее которой еще не определено. Хорошо это или плохо, но каждая встреча с устойчивостью открывает новые возможности. Возможно, самая большая ошибка состоит в том, чтобы активно исключать или отрицать как само понятие, так и вариации в политике – формы знания, действия и деятельности, которые предлагает нам устойчивость. Нет никаких сомнений в том, что устойчивость может иметь разрушительное влияние, но есть также возможности для открытия новых пространств для восстановления политики заинтересованными гражданами. Они осязаемы, поддаются эмпирической проверке и имеют отношение к нашему более широкому проекту исследования того, чем была демократическая политика, какой она является сейчас, и какой может стать в будущем.⁴³

---

⁴² Эта меланхолия левых может быть связана с «чрезмерной привязанностью к прошлой политической идентичности, даже в ее несостоятельности», для которых прогрессивные изменения имеют смысл только в том случае, если они связаны с продвижением их идеологических ограничений. Neda Atanasoski and Kalindi Vora, “Postsocialist Politics and the Ends of Revolution,” *Journal for the Study of Race, Nation and Culture* 24 (2018): 139-154, цитата на с. 143, <https://doi.org/10.1080/13504630.2017.1321712>.

⁴³ См., например, Bruce E. Goldstein, ed., *Collaborative Resilience: Moving Through Crisis to Opportunity* (Cambridge, MA: MIT Press, 2011); and Bruce Evan Goldstein, Anne Taufen Wessells, Raul Lejano, and William Butler, “Narrating Resilience: Transforming Urban Systems Through Collaborative Storytelling,” *Urban Studies* 52, no. 7 (2015): 1285-1303, <https://doi.org/10.1177/0042098013505653>.

Трудно опровергнуть доказательства того, что устойчивость как управление не распространяется на всех граждан одинаково и может способствовать углублению существующего и созданию нового неравенства, т.е. «устойчивость для кого?». ^{44,45,46,47} Несмотря на то, что в инструменталистской интерпретации устойчивости возникают тревожные вопросы, критический нарратив в значительной степени опирался на постструктуралистское понимание власти, которое плохо интегрируется с изменяющейся динамикой управления и с «онто-политическим» сдвигом, лежащим в основе распространения концепции устойчивости в политике и на практике. В последнее время началось обсуждение перехода от откровенно антагонистической критики к упреждающему обсуждению устойчивости как сложной совокупности, рассматриваемой в контексте дестабилизированной либеральной онтологии. ⁴⁸ Такой подход открывает возможность рассматривать устойчивость как нечто большее, чем новый мех для старого вина, связанное с критикой неолиберализма, ⁴⁹ открывая доступ к более широкому переосмыслению самой власти, силовых отношений, возникающих из мышления устойчивости, и условий возможности для другой «политики» роста. Благодаря этому взаимодействию с онтологией, лежащей в основе политики, эта концепция теперь рассматривается, хорошо это или плохо, как часть продолжающегося фундаментального сдвига в том, как мы «познаем вещи» о сложном мире в зарождающемся антропоцене. ^{50,51}

Там, где неолиберальная критика не смогла справиться с основополагающими онтологическими вызовами политике и науке в более широком

⁴⁴ Raven Cretney, "Resilience for Whom? Emerging Critical Geographies of Socio-Ecological Resilience," *Geography Compass* 8, no. 9 (2014): 627-640, <https://doi.org/10.1111/gec3.12154>.

⁴⁵ Amanda Fitzgerald, "Querying the Resilient Local Authority: The Question of 'Resilience for Whom?'," *Local Government Studies* 44, no. 6 (2018): 788-806, <https://doi.org/10.1080/03003930.2018.1473767>.

⁴⁶ Hugo Herrera, "Resilience for Whom? The Problem Structuring Process of the Resilience Analysis," *Sustainability* 9, no. 7 (2017), 1196, <https://doi.org/10.3390/su9071196>.

⁴⁷ Sara Meerow and Joshua P. Newell, "Urban Resilience for Whom, What, When, Where, and Why?" *Urban Geography* 40, no. 3 (2019): 309-329, <https://doi.org/10.1080/02723638.2016.1206395>.

⁴⁸ David Chandler, Stephanie Wakefield, and Kevin Grove, eds., *Resilience in the Anthropocene: Governance and Politics at the End of the World* (London: Routledge, 2020).

⁴⁹ Marc Welsh, "Resilience and Responsibility: Governing Uncertainty in a Complex World," *The Geographical Journal* 180, no. 1 (2014): 15-26, <https://doi.org/10.1111/geoj.12012>.

⁵⁰ Chandler, Grove, and Wakefield, eds., *Resilience in the Anthropocene*.

⁵¹ Kevin Grove and David Chandler, "Introduction: Resilience and the Anthropocene: The Stakes of 'Renaturalising' Politics," *Resilience* 5, no. 2 (2017): 79-91, <https://doi.org/10.1080/21693293.2016.1241476>.

смысле, этот подход скорее использует дестабилизацию традиционных границ знания: «Антропоцен позволяет “движение мысли, которое действительно контрсистемно”, потому что вводятся время и пространство, и тем самым дестабилизируется идея отдельного “внутри”». ⁵² Дестабилизируя представления о «внутреннем» и «внешнем», кантовское разделение между человеческим и естественным миром с помощью изобретения разума рушится. ⁵³ Это позволяет пересмотреть институциональный порядок на уровне субъекта-объекта, пересмотреть границы самой разумной жизни в рамках моральной опеки над нашей экологической способностью к существованию. С точки зрения социально-экологического понимания устойчивости, социальный порядок антропоцена вышел из фаз «эксплуатации» и «сохранения», когда система может быть оптимизирована для тех, кто лучше всего подходит для ее нынешней конфигурации и прошел поворотную точку в фазу выпуска и реорганизации – или сделал «обратную петлю». ⁵⁴ Чендлер предположил, что антропоцен «это не просто еще одна проблема или кризис, который нужно «решить», на который надо «отреагировать» или которого надо «компенсировать», но, скорее, это признак того, что современность была ложным обещанием спасения, которое привело нас на грани разрушения». ⁵⁵ На самом деле, концепция «обитания в руинах» выходит за рамки предсказания темной стороны устойчивости, и вместо этого стремится исследовать современные «руины», ⁵⁶ где с помощью «биополитического дублирования» мы теперь управляем другой жизнью, чтобы обезопасить человеческую жизнь». ⁵⁷ Этот аргумент предполагает, что управляя последствиями требований неолиберального правления, а не их причинами, устойчивое управление создает каскад отсрочек, «прикрывающих трещины», но не предлагающих решений. ⁵⁸ Вместо того, чтобы критически использовать устойчивость как средство для прогрессивной политики в пространстве между природой и деятельностью человека, это заранее преподносится как предсмертный звон «*принудительной* устойчиво-

---

⁵² Chandler, Grove, and Wakefield, eds., *Resilience in the Anthropocene*, 82.

⁵³ Chandler, Grove, and Wakefield, eds., *Resilience in the Anthropocene*.

⁵⁴ Stephanie Wakefield, “Inhabiting the Anthropocene Back Loop,” *Resilience* 6, no. 2 (2018): 77-94.

⁵⁵ David Chandler, “Resilience and the End(s) of the Politics of Adaptation,” *Resilience* 7, no. 3 (2019): 304-313, <https://doi.org/10.1080/21693293.2019.1605660>.

⁵⁶ Stephanie Wakefield, “Infrastructures of Liberal Life: From Modernity and Progress to Resilience and Ruins,” *Geography Compass* 12, no. 7 (2018): 123-177, <https://doi.org/10.1111/gec3.12377>.

⁵⁷ Stephanie Wakefield and Bruce Braun, “Oystertecture: Infrastructure, Profanation and the Sacred Figure of the Human,” in *Infrastructure, Environment, and Life in the Anthropocene*, ed. Gregg Hetherington (Durham, NC: Duke University Press, 2018), 193-215, <https://doi.org/10.1215/9781478002567-012>.

⁵⁸ Chandler, Grove, and Wakefield, eds., *Resilience in the Anthropocene*, 83.

сти» как системы управления из-за разоблачения ее неспособности справиться с антропоцентрической ответственностью в свете рушащегося модернистского проекта. Таким образом, эта «принудительная устойчивость» «создается в результате антропогенных факторов, таких как рабочая сила, энергия и технологии, а не обеспечивается самой экологической системой. В контексте производственных систем принуждение к устойчивости позволяет поддерживать высокий уровень производства»,⁵⁹ что приводит к контрпродуктивному углублению кризисов везде, где применяется концепция устойчивости.

Пределы критики: появление, сложность и позитивная политика

Возникновение и сложность являются важными аспектами подхода к устойчивости, обсуждаемого в этой статье, поскольку они относятся к природе фундаментального онто-политического сдвига, подразумеваемого устойчивостью как управлением, и открывают способы преодоления пессимизма критики, рассмотренной выше. Если рассматривать это как сдвиг в «онтополитике»⁶⁰ нашего времени, то есть в политике «бытия»,⁶¹ проявленная устойчивость представляет собой многообразную трансформацию правил игры, лежащих в основе социальных взаимодействий. Это также потенциально трансформирует политический субъект и условия возможности для политики, как их понимают с точки зрения социально-договорных отношений, которые определяют современность. Субъект и структура становятся нефиксированными, дестабилизированными из-за неопределенности кризисов и необходимости управлять последствиями этих кризисов, когда они возникают без нарушения упорядоченного потока капитала или подрыва ткани социального порядка.

Критика выявляет концептуальные линии разлома между теорией и реализацией устойчивости, но редко предлагает прогрессивные решения в виде децентрализованного введения, поскольку управление приводит к различным артикуляциям его возникающей онтополитики. Возникновение становится проблемой для критики при согласовании результатов проблематизации с программой значимых действий, направленных на повышение

⁵⁹ Lucy Rist, Adam Felton, Magnus Nyström, et al., “Applying Resilience Thinking to Production Ecosystems,” *Ecosphere* 5, no. 6 (2014), 73, <https://doi.org/10.1890/ES13-00330.1>, quote on p. 3.

⁶⁰ В ходе недавних исследований возникло несколько критических вопросов, связанных с этой концепцией, среди которых следует особо отметить David Chandler, *Ontopolitics in the Anthropocene: An Introduction to Mapping, Sensing and Hacking* (London: Routledge, 2018).

⁶¹ David Chandler and Julian Reid, “‘Being in Being’: Contesting the Ontopolitics of Indigeneity,” *The European Legacy* 23, no. 3 (2018): 251-268, <https://doi.org/10.1080/10848770.2017.1420284>.

устойчивости. Современный научный эмпиризм требует твердой уверенности с оптимизированными результатами, но трансформация, в которой мы участвуем, не столько «произошла», сколько вплетена во временной цикл с вечно неопределенными результатами. Здесь задействовано множество переменных, и их невозможно перечислить исчерпывающе, поскольку они варьируются и не ограничиваются возникающим антропоцентром и сопутствующим климатическим кризисом: потребности безудержного свободного рынка капитала; переупорядочение человеческих взаимодействий, порожденное искусственным интеллектом, машинным обучением и алгоритмическими формами управления; ползучий авторитаризм в политике «третьего пути» и более широкое реформирование либерального политического строя, возникшего в результате преждевременно провозглашенного «конца истории». Однако история продолжает накапливать новые сложности вопреки таким прокламациям, сплетая все более сложные комплексы взаимозависимости, которые я в другом месте назвал процессом *взаимодействия*.⁶² Текущие изменения нельзя четко свести к дисциплинарному подходу, единственному канону теории, методу или какому-либо единственному способу критики, поскольку они не являются четко диахроническими или ограниченными по своей природе, как того предпочли бы рациональный редукционизм или дедуктивная наука. Скорее трансформация стала возникновением междуцарствия, пористой, плохо определенной новой нормы, которую нужно попытаться согласовать со сложностями меняющейся «онтополитики» по мере ее продвижения к неопределенной конечной реконфигурации.

Участие в онтополитике устойчивости направлено на то, чтобы открыть черный ящик непредвиденных последствий для прагматической оценки ее комплементарных правил и практик. Хотя этот подход все еще находится в разработке как последовательный проект, он ставит под сомнение предполагаемый «дивиденд устойчивости».⁶³ Когда мы спрашиваем, достойны ли изменения, вызванные устойчивостью, институционализации в логику нашего социального порядка или подрывают основную силу либерально-демократической политики, это не отвергает устойчивость, а стремится выровнять конфигурацию онтополитики в направлении реализации инклюзивного, демократизационного проекта. Цель не в том, чтобы искать конкретную рациональную «истину» устойчивости, как она проявляется в рациональных моделях или нормативных формулировках идеи. Скорее для того, чтобы использовать эти разнообразные встречи с устойчивостью, чтобы бросить вызов нормативным институтам (т.е. «правилам игры»), возникающим в результате ее принятия, и стимулировать их к совместным и инклю-

---

⁶² Peter Rogers, *Resilience & the City: Change, (Dis)Order and Disaster* (Farnham: Ashgate, 2012).

⁶³ Judith Rodin, *The Resilience Dividend: Being Strong in a World Where Things Go Wrong* (Philadelphia, PA: Public Affairs, 2014).

живным практикам, которые в большей степени дополняют основные либерально-демократические принципы, чем потребности рыночно-ориентированных и алгоритмических систем управления. Это подвергает проверке (более) рефлексивное теоретизирование практических вмешательств, которые дает устойчивость в управлении повседневной жизнью. На уровне институциональных правил и практик, это вызов материалистическим концепциям познания, постструктуралистской критике и многообещающей политике отношений гражданин-государство, где устойчивость информирует измененные параметры в рамках договорных ожиданий, например, связанные с понятиями гражданство, права и обязанности.

Сдвиг, вызванный распространением устойчивости как институциональной основы управления, требует переосмысления ограничений, лежащих в основе того, что такое правительство и что оно делает. Это требует, чтобы мы обращали внимание на «политику бытия», лежащую в основе управления проблемными группами населения во времена вечного кризиса, и более того на то, как она осуществляется. Эти стратегии реализации имеют важное значение для того, как будут развиваться социально-договорные отношения между гражданином и государством. Институционализированные «правила игры», которые расширяют возможности договорного взаимодействия между людьми, организациями и рынками, в свою очередь, влияют на то, какие формы ожиданий мы имеем от наших основных демократических институтов, таких как права человека, права собственности и, в более широком смысле, формальные и неформальные силовые отношения, посредством которых устанавливается порядок в повседневной жизни. Это формирует условия возможности существования устойчивой формы социального порядка, для того, чтобы устойчивые индивиды действовали в рамках сложных, взаимозависимых систем влияния. Принимая во внимание эти факторы, проблемы возникновения и сложности требуют тщательной и вдумчивой проблематизации. Однако эта проблематизация должна иметь место для положительного результата, чтобы оставаться прогрессивной и, что более важно, доступной для практиков в контексте их конкретной организации и ее компетенций.

Проблема проблематизации

Я утверждал, что для того, чтобы проблематизация приводила к положительным результатам, необходимо критически, но позитивно заниматься повышением устойчивости и управлением для повышения устойчивости. Биополитическая и неоллиберальная критика устойчивости, похоже, борется с тем, как объяснить онтологическое противоречие между тем, что считалось устойчивостью, и тем, чем она становится. Онтополитика устойчивого социального порядка прямо бросает вызов некоторым фундаментальным предположениям, заключенным в онтополитике современности, включая традиционные программы противостояния или сопротивления и границы

между человеческими и природными системами.⁶⁴ Устойчивость может представлять собой более тонкий сдвиг в основополагающих принципах и механизмах управления, чем простое воспроизведение экономического управления, которое допускает неолиберализм. Сдвиг фокуса управления от причин социальных проблем к управлению их последствиями, или, как предполагает Арадау, «от обещания безопасности к отказу от обещания устойчивости»,⁶⁵ может быть лучше понят в рамках контекста онтологического взаимодействия между конфигурациями устойчивости.

Этот многообещающий сдвиг представляет собой политическое изменение во взаимоотношениях между гражданином, государством и рынком. В то время как государство сохраняет подразумеваемую ответственность за выживание гражданина-субъекта в рамках «неолиберальной» модели социального порядка, договорные свободы передаются контролируемому рынку, а стимулированный выбор из предпочтительных вариантов рационально уточняется как средство открытого доступа к привилегиям. Однако автоматическая балансировка системы – невежливая фикция. В сочетании с текущими преобразованиями в практике управления, структура стимулов для «повышения устойчивости» ставит во главу угла обязанности граждан участвовать в выживании не только «политического тела», но и всей планеты. В этом смысле его можно интерпретировать как призыв к людям взять на себя личную ответственность с намерением участвовать, но часто он реализуется проблематично, когда элементы принуждения доминируют над потенциалом сотрудничества и участия возникающей онтополитики устойчивости.

Проблематизация сложности, связанной с появлением «устойчивого социального порядка», требует от нас ряда встреч с концепцией устойчивости. Неясно, *существует ли вообще* единственная онтология, лежащая в основе устойчивости, и не является ли она по сути своей онтологией трансформации. Вместо определенности или безопасности, устойчивость не может содержать фиксированных концепций доступа к правам и привилегиям, которые традиционно лежали в основе институтов порядка. Либеральная и демократическая философия общественного договора, верховенства закона, прав человека (в широком смысле) и наличия обеспеченных принуждающей силой ожиданий в отношении договорной защиты основных прав – например доступа к организациям, владения собственностью, обменов и предоставления услуг (в более узком смысле) – могут быть полезны как форма критического взаимодействия, но до сих пор плохо обосновывались биополитическими и неолиберальными теоризациями. Именно здесь различные концепции власти, лежащие в основе нового подхода институциональной экономики, больше всего сталкиваются с постструктуралистскими

---

⁶⁴ Здесь я использую прочтение политической онтологии Блазером. Mario Blaser, "Ontological Conflicts and the Stories of Peoples in Spite of Europe," *Current Anthropology* 54, no. 5 (October 2013): 547-568, <https://doi.org/10.1086/672270>.

⁶⁵ Aradau, "The Promise of Security," 75.

интерпретациями власти, связанными с (устаревшей) критикой капитализма. Стремление к единой идеологически последовательной онтологии в таких условиях не воодушевляет. В самом деле, это не кажется полезным или желательным перед лицом такого множества вариантов устойчивости, применяемых столь разными способами.

Поскольку существует множество вариаций устойчивости, почерпнутых из богатой истории, эту концепцию необходимо критически рассматривать не как единое целое, а как множественность с отрицательными и положительными конфигурациями. Это важно, если мы хотим понять влияние и важность устойчивости как институционального правила, добавляющего ограничения или стимулы к человеческим действиям. Таким образом, хотя структура институтов, рассматриваемая как процесс, может теоретически согласовываться с обсуждением биополитики и государственного управления, способы, которыми они занимаются, доступом к привилегиям и использованием насилия в качестве движущей силы социального упорядочения, различны и должны быть изучены более глубоко.

Если устойчивость – это концепция, которую лучше всего понимать как находящейся «в процессе становления», *in statu nascendi*⁶⁶ – тогда можно оценить множество встреч с ней как сложную диффузию внутри, и через которую взаимодействие конфигурирует различные, но взаимопроникающие условия возможности. Эффект этих условий возможности, реализуемых как отношения сил, будет встречаться по-разному в каждом конкретном контексте. Суверенная власть все еще существует, но больше не обещает безопасности в традиционно понимаемых терминах; вместо этого контракт координируется посредством принятия решений агентами в среде возможных условий, сформированных сочетанием суверенных намерений, индивидуальных агентских и рыночных опций, и помещенных в сложных совокупностях договорных отношений. Дисциплинарная власть не ограничивается законным применением насилия суверенными субъектами «государства», а скорее распределяется через локально встречающиеся предварительные конфигурации вариантов, из которых можно выбирать, встроенные в суверенную власть, но преобразованные *in statu nascendi* (в состоянии рождения) все более обезличенными, автоматизированными формами алгоритмического перевода. Традиционные ограничения насилия размываются и смешиваются с безличной стохастической конфигурацией выбора, которая становится понятной через сопутствующий интерфейс, с помощью которого человек получает доступ к своему выбору. Все чаще стирание таких различий путем принятия принципов алгоритмического управления приводит к более безличным, менее заметным отношениям применения силы, когда доступ к привилегиям все больше ограничивается алгоритмическим курированием, а не «открытой» рыночной свободой выбора.

⁶⁶ Peter Rogers, “The Etymology and Genealogy of a Contested Concept,” in *The Routledge Handbook of International Resilience*, ed. David Chandler and Jon Coaffee (Abingdon, UK: Routledge, 2017), 13–25.

Суверенная власть не устанавливает порядок на рынке, а скорее полагается на рынок, чтобы формировать доступ к привилегиям на основе автоматического уравнивания эгалитарного популизма под руководством абстрактного, рационального, расчетливого индивидуального субъекта.

Это форма «он-политики», которая бросает вызов тому, что Фуко называет полаганием на различия «суверенна» и «народонаселения» как на ключевые области применения насилия. Это также бросает вызов линейному пониманию Норта социального порядка, определяемого политикой, экономическими и социальными отношениями, где динамика этих обменов ограничивается законным применением насилия. Также нельзя адекватно проблематизировать сложность контекста или добровольное погружение рационально невротичных граждан, субъективированных наследием теории холодной войны и экономики общественного выбора, как соучастников в совместном производстве новых «более мягких» форм нематериального насилия, дающих основание для ревизии либерализма. Они также неадекватно отражают появление более «плоской» этики антропоцена, разрушающей различия между человеком и природой способами, которые напрямую бросают вызов «священной вере» в фундаментализм финансов.⁶⁷ Такие формы власти, по сути, являются итеративными и появляющимися, а не статичными, поскольку они действуют в условиях возможности индивидуального познания, то есть «свободы выбора» в конкуренции с «правом на жизнь». Если мы предположим, что рыночная институциональная логика все в большей степени включает в себя эту демократическую логику, подразумеваемую «публичной сферой» – например, посредством усиления алгоритмического управления как средства редактирования доступа к привилегиям, – тогда в этот период трансформации мы столкнемся с тем, что институты демократии становятся менее стабильными, хотя рыночные институты становятся более влиятельными и менее подотчетными суверенной власти. Мы наблюдали некоторые ранние признаки того, что это активная характеристика междуцарствия в последние годы, когда вопросы о легитимности демократического процесса возникли даже в «стране свободных» после финансового кризиса 2008 года и президентских выборов 2016 года. Тем не менее, учитывая сложность головоломки устойчивости и проникновение онтополитики устойчивости в управление в качестве институционального принципа упорядочивания, позитивная критика все же может способствовать возвращению к более эмансипативным условиям возможности, имманентным дискурсу трансформации устойчивости как проявление альтруизма.

---

⁶⁷ Luca Mavelli, “Neoliberalism as Religion: Sacralization of the Market and Post-truth Politics,” *International Political Sociology* 14, no. 1 (2020): 57-76, <https://doi.org/10.1093/ips/olz021>.

Положительная критика проблематизации с открытыми выходами

Проблематизация – хороший способ заниматься возникающим, условным и комплексным. В качестве стратегии для исследователей она дает нам возможность систематически выявлять и изучать потенциальные проблемы и определять, где теоретические предположения могли устареть.⁶⁸ Для некоторых исследователей проблематизация предлагает средства для разработки «истории настоящего»,^{69,70} отслеживая исторические предпосылки конкретных проблем, связанных с конфигурацией ключевых переменных, таких как моральные, политические, экономические, военные, геополитические или юридические институты и практики организаций.⁷¹ Они также обращаются к тому, как определенные люди, группы населения и формы поведения рассматриваются как «проблемы, которые необходимо решить» в этих относительных контекстах. Используя этот подход, проблематизация помогает исследовать и объяснять взаимодействие технологий, авторитетов, субъективностей и стратегий в сложных системах.⁷²

«Проблема» проблематизации устойчивости заключается, во-первых, в разнообразии приложений, к которым она может быть применена, или в том, что я назвал разнообразием возможных встреч с ней,⁷³ и, во-вторых, в склонности к критицизму, а не к критике при столкновении с онтологическими вызовами практики критики до междущарствия. Существует тенденция к наложению диахронических границ, встроенных в историцизм, которая укрепляет абсолютистские или авторитарные толкования власти и суверенитета, связанные с классическими либеральными концепциями договорных прав и обязательств. Если эти концепции устарели или вытеснены социальными и технологическими вызовами социальному порядку, о которых нельзя было думать ни в эпоху Просвещения, ни во время промышленных революций, то эти концепции, вероятно, потребуют пересмотра. Чрезмерно биополитические подходы изо всех сил пытались преодолеть это наследие, внося множество подробных этимологий, таксономий и генеалогических оценок устойчивости, но не понимая значения контекстной встречи как пространства для объединения теории и эмпирических исследований с политикой и практикой. Подход антропоцена открыл дверь для

⁶⁸ Manos Gkeredakis and Panos Constantinides, “Phenomenon-based Problematization: Coordinating in the Digital Era,” *Information and Organization* 29, no. 3 (2019), 100254, <https://doi.org/10.1016/j.infoandorg.2019.100254>.

⁶⁹ Stuart Elden, *Mapping the Present: Heidegger, Foucault and the Project of a Spatial History* (London: Bloomsbury, 2002).

⁷⁰ Garland, “What Is a “History of the Present”?”

⁷¹ Nikolas Rose, *Governing the Soul: The Shaping of the Private Self* (New York: Routledge, 1990).

⁷² Rose, *Governing the Soul*, pp. xi-xii.

⁷³ Rogers, *Resilience & the City*.

позитивного прочтения, но изо всех сил пытался сформулировать прогрессивный путь управления.

В тех случаях, когда практические встречи с устойчивостью стремятся обуздать «многозначную»⁷⁴ природу устойчивости, они сначала поощряли лечение устойчивости по дисциплинарным соображениям, что привело к появлению множества более узких обзоров литературы.^{75,76,77} Публичность, казалось, была достигнута в областях управления стихийными бедствиями и кризисами, устойчивого развития, снижения риска стихийных бедствий, смягчения последствий и безопасности, связанной с терроризмом,⁷⁸ но вновь появились в таких разнообразных областях, как финансирование,⁷⁹ жилищное строительство⁸⁰ и, в последнее время, в критически важных областях алгоритмического управления.⁸¹ Академическая реакция на появление концепции устойчивости была чрезвычайно критической; тем не менее, это не замедлило принятие устойчивости как мощной риторики в политике, как важной ключевой бизнес-функции организаций в общественной и частной жизни и как вызов нашему пониманию договорных отношений между гражданами, государством и рынками.

Подход к устойчивости как к форме «онто-политики» открывает ее для дальнейшего детального исследования. Чендлер представляет онтополитику как нечто большее, чем «утверждение новой реальности в противовес старым взглядам». Если продуктивно взаимодействовать с институтом

⁷⁴ Для обзора устойчивости и многозначности см. Reghezza-Zitt, et al., “What Resilience Is Not: Uses and Abuses”; Rogers, “The Etymology and Genealogy of a Contested Concept.”

⁷⁵ Ran Bhamra, Samir Dani, and Kevin Burnard, “Resilience: The Concept, A Literature Review and Future Directions,” *International Journal of Production Research* 49, no. 18 (2011): 5375-5393, <https://doi.org/10.1080/00207543.2011.563826>.

⁷⁶ Patrick Martin-Breen and J. Marty Anderies, “Resilience: A Literature Review,” Institute of Development Studies, 2011, <https://opendocs.ids.ac.uk/opendocs/handle/20.500.12413/3692>.

⁷⁷ Adrian DuPlessis VanBreda, *Resilience Theory: A Literature Review* (Pretoria, South Africa: South African Military Health Service, 2011).

⁷⁸ Jon Coaffee and David Murakami Wood, “Security is Coming Home: Rethinking Scale and Constructing Resilience in the Global Urban Response to Terrorist Risk,” *International Relations*, 20, no. 4 (2006): 503-517, <https://doi.org/10.1177/0047117806069416>.

⁷⁹ Iain Hardie, *Financialization and Government Borrowing Capacity in Emerging Markets* (London and New York: Palgrave Macmillan, 2012).

⁸⁰ Graham Squires and Iain White, “Resilience and Housing Markets: Who Is It Really for?” *Land Use Policy* 81 (2019): 167-174, <https://doi.org/10.1016/j.landusepol.2018.10.018>.

⁸¹ David Chandler, “Algorithmic Governance: Actor Networks and Machinic Correlation,” Western Political Science Association (WPSA) annual convention “The Politics of Climate Change,” San Diego, California, 2019, accessed October 15, 2020, www.wpsanet.org/papers/docs/WPSA%20algorithmic%20governance.pdf.

устойчивости, будет возможно логически сделать разумными относительные связи между практиками разделения и сортировки, задействованными в управлении проблемными популяциями, и логикой поддерживающих структур стимулов как с точки зрения маскирующей и принудительной тенденций плохо реализуемой устойчивости, так и с точки зрения потенциала эмансипации и демократизации, как формы совместной политики, основанной на участии. Это хорошо согласуется с изучением устойчивости в виде, в котором она проявлялась во многих из этих областей на протяжении ее продолжающейся эволюции. С точки зрения теории игр институциональной экономики, устойчивость, как эффективный институт, должна повышать выгоды от совместных решений или увеличивать стоимость несоответствия лежащей в основе логике. В этом смысле основополагающая онтополитика устойчивости должна представлять для нас большой интерес. Именно здесь генеалогическая проблематизация концепции становится важной для более глубокого рассмотрения, но пессимистическая линза, помещенная в текущую критику с использованием эмерджентности и сложности в антропоцене, имеет тенденцию априори исключить возможность существования прогрессивной политики.

Заключение

Скептически относясь к пессимизму, присущему большей части критики, тем не менее нельзя сказать, что опасения необоснованны. Проблемы явно присутствуют в отдельном и частичном характере устойчивого управления, при этом многие формулировки устойчивости изо всех сил пытаются найти выгоду среди зависимостей путей организаций управления, не склонного к риску, и подвергаются эксплуатации для создания богатства организациями частного сектора. Последствия более тесной координации между системами алгоритмов и надзора в рамках управления через неотложные потребности кризисов представляют собой очень реальную угрозу прогрессивной политике, о которой я говорил. Приложения для отслеживания COVID-19 были на переднем крае отказа от институциональных силовых отношений между гражданином, государством и рынком, демонстрируя хрупкость традиционных социально-договорных предположений во время зарождающегося междоусобия. Такие примеры должны быть в будущем в центре внимания исследователей устойчивости, которые меньше озабочены тем, что *такое* устойчивость, и больше озабочены тем, что *делает* устойчивость.⁸² Это возвращает наше внимание к действующей реализации устойчивости в рамках существующих и возникающих структур стимулов с целью понимания институциональной логики управления на практике.

---

⁸² Kevin Grove, *Resilience (Key Ideas in Geography)* (Abingdon, UK: Routledge, 2018), p. 4.

Многозначная природа устойчивости побуждает нас ценить контекстное встраивание концепции там, где она встречается⁸³ и есть много столкновений с устойчивостью, которые необходимо исследовать, которые раскрывают то, что делает устойчивость в различных конфигурациях. Как утверждает Гроув, «устойчивость медленно трансформирует мышление и практику способами, которые часто остаются незамеченными в традиционных формах анализа и размышлений, как критических, так и прикладных».⁸⁴ Уравновешивание нынешней концепции устойчивости с ее институционализацией помогает нам лететь достаточно низко, чтобы видеть и определять артикуляцию меняющихся договорных отношений и их дополняющихся правил и практик. Опираясь на исторические предшественники этой концепции и текущие критические высказывания, выявляется потребность в более сбалансированном понимании потенциального общественного блага, но с трезвым осознанием опасностей, связанных с плохо реализуемой концепцией устойчивости.

Отказ от ответственности

Выраженные здесь взгляды являются исключительно взглядами автора и не отражают точку зрения Консорциума оборонных академий и институтов изучения безопасности ПрМ, участвующих организаций или редакторов Консорциума.

Благодарность

Журнал *Connections: The Quarterly Journal*, Vol. 19, 2020 издается при поддержке правительства США.

Об авторе

Питер Роджерс – старший преподаватель социологии Университета Маккуори, Австралия. Он является автором книг «*Повседневная устойчивость города*» (совместно с Джоном Коаффи и Давидом Мураками-Вудом) и «*Устойчивость и город: изменение, (бес)порядок и бедствия*».

E-mail: Peter.rogers@mq.edu.au

---

⁸³ Rogers, "The Etymology and Genealogy of a Contested Concept."

⁸⁴ Grove, *Resilience*, p. 4.